

Keywords: administrative border; state border; state territory; delimitation; localization; international legal formalization; international treaty; sovereignty; territorial integrity.

UDC 321.01

*Статья поступила
в редакцию 04.02. 2019 г.*

А. В. ШЕРИС

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Опираясь на разработки Д. Макадама, Б. Эдвардса и М. Кейна в области политической теории мобилизации ресурсов, автор обосновывает и иллюстрирует идеи о том, что религиозные организации способны как предоставлять свои внутренние ресурсы для политического использования, так и производить ресурсы собственно политического назначения.

Ключевые слова: политические мобилизационные ресурсы; религиозные организации; политическая мобилизация; протестантские общины; гражданская религия; Православная церковь Украины.

УДК 329.3(73)329.3(477)

Политизация религии в современном мире ставит ряд вопросов, касающихся механизмов политического участия религиозных субъектов. Значительный интерес представляют вопросы о том, каким образом религиозные субъекты (в частности, религиозные организации), не будучи специализированными политическими субъектами, становятся акторами политического процесса? Предлагаемая статья является попыткой приближения к ответу на данный вопрос.

Переход субъектов в политически-актуализированное состояние, т. е. для последующего совершения коллективных политических действий, рассматривается в политической науке как процесс политической мобилизации. Классики современной политологии Г. Алмонд и Дж. Пауэлл [1], К. Дойч [2] в своих исследованиях приводят различные варианты понимания этого явления и дают его глубокую теоретическую проработку. Вместе с тем феномен политической мобилизации на сегодняшний день актуален и для Беларуси. Белорусские политологи В. А. Мельник, П. И. Бондарь, Ю. П. Бондарь политическую мобилизацию трактуют как комплексное использование субъектами политики материальных, финансовых, культурно-информационных, технологических и иных ресурсов для обеспечения массовой поддержки гражданами их инициатив, программ и проектов для достижения своих целей [3, с. 324; 4, с. 500].

Александр Владимирович ШЕРИС (sheris@tspbel.com), кандидат политических наук, заместитель директора Научно-производственного общества с ограниченной ответственностью «ОКБ ТСП» (г. Минск, Беларусь).

В политологических и социологических словарях можно найти множество иных определений данного понятия. Важно другое. Как отмечал К. Дойч, в переходных обществах, переживающих процессы демократизации и модернизации, мобилизация играет особую роль: с помощью мобилизации граждане получают доступ к новым политическим ролям, новым формам политической социализации и т. п. [2].

В данной статье предлагается исходить из трех методологически значимых фактов, с учетом которых религия также приобретает отношение к общественно-политической мобилизации.

1. Факт фиксации политического мобилизационного потенциала всякой религии вообще. В частности, в качестве имеющих мобилизационное значение могут рассматриваться: сущностные свойства религии (вера, религиозность и др.); особенности тех или иных религиозных доктрин; особенности организации религиозных сообществ, культурно и социально легитимированная религиозная символика и самоидентификация религиозных сообществ; наличие харизматических лидеров религиозных организаций и групп и т. п. факторы. Однако сам факт фиксации мобилизационного потенциала дает мало возможностей для выявления механизмов политической активности, участия или мобилизации.

2. Второй факт состоит в том, что *политический мобилизационный ресурс религии может быть реализован только в определенных условиях*, как внутренних, так и внешних по отношению к тому или иному религиозному сообществу. Иными словами, политическая активизация религиозных сообществ, т. е. актуализация действительного политического потенциала происходит в конкретных контекстах и обстоятельствах. Исследователи фиксируют два важнейших условия, ведущих к совершению политических коллективных действий, которые можно отнести к субъектной и объектной сторонам деятельности. Во-первых, это субъективное определение религиозными акторами сложившегося положения дел как ситуации, требующей совершения общественно-политических действий, исходя из *мотива сакрализованного должностования* [5, с. 140], т. е. «священного долга», когда «невозможно поступить иначе». Второе условие — объектное — состоит в том, что сама общественно-политическая ситуация детерминирует манифестацию политической активности, без которой *невозможна реализация целей религиозных сообществ в общественном поле*. Соответствующими детерминантами здесь могут выступать, в частности, государственный политический курс, социально-экономическое состояние, общественное положение религиозных общин или индивидов, внешнеполитические угрозы и т. п. факторы, которые могут быть квалифицированы как выходящие за рамки определенной меры нормализованного общественно-политического порядка. Оба условия, как субъектное, так и объектное, не могут быть поняты без взаимосвязи, поскольку неудовлетворительность общественно-политического порядка, требующая совершения коллективных действий, является как результатом субъективной оценки (например, в случае с проблематизацией верующими моральной приемлемости политических решений), так и отражением социально-универсальной эмпирической неприемлемости ситуации (например, в случае войны, геноцида, распространения терроризма и тому подобных социальных явлений). Оба описанных условия задают границу мотиваций и эмпирических ситуаций, за которой начинается осуществляться политическая мобилизация.

3. Осмысление политической мобилизации религиозных акторов должно представляться с учетом того обстоятельства, что подобные акторы *не являются специализированными политическими субъектами*, за исключением радикальных религиозных организаций, реализующих политические цели,

декларируемые на уровне своих доктрин. Обычно традиционные религиозные вероучения и их социальные учения *не содержат конкретно-политических предпочтений и программ деятельности*. Данное обстоятельство предписывает при оценке политической мобилизации религиозных акторов понимать этот процесс как нетипичный, а рост подобной активности — как чрезвычайную ситуацию.

Представляется, что политический мобилизационный потенциал религиозных акторов может быть рассмотрен через соответствующую теорию мобилизации ресурсов (*resource mobilization theory*).

Обобщая механизмы политической мобилизации и обосновывая перспективы мобилизационной теории, Б. Эдвардс и М. Д. Кейн предлагают различать пять типов ресурсов: *материальные, человеческие, социально-организационные, культурные и моральные* [6]. Материальные ресурсы объединяют финансовый и физический капитал. Важность материальных ресурсов обусловлена тем, что они обеспечивают минимум физических условий для деятельности и, кроме того, могут быть преобразованы (как, например, финансовые ресурсы) в другие виды ресурсов. Человеческие ресурсы представляют собой человеческий капитал — значимые для политической активности качества отдельных людей (такие, как труд, опыт, умения, навыки и т. п.), используемые в непосредственном взаимодействии. Также к человеческим ресурсам применим количественный параметр «массовость», являющийся важным для политических движений. Социально-организационные ресурсы составляют политически активные общественные организации от малых групп активистов до крупных организаций с формализованными структурами, а также иные инфраструктуры, задействованные для мобилизации. Общественные организации служат источниками ресурсов и инструментами их перемещения для соответствующих коллективных действий. Культурные ресурсы — символы, убеждения, ценности, идентичности и поведенческие нормы групп. Сюда же относятся имеющие политическое значение различные культурные продукты: от литературных текстов до материалов веб-страниц. Наконец, моральные ресурсы подразумевают легитимацию, солидарную или сочувственную поддержку и т. п. Они могут иметь внешний или внутренний источник в отношении политической активности, воплощаться в соответствующих моральных практиках, этически нагруженных понятиях и других проявлениях.

Эти же авторы (Б. Эдвардс и М. Д. Кейн) считают, что самого наличия ресурса недостаточно для мобилизации, поскольку существует неравный доступ к ресурсам. Активизация ресурсов предполагает действия акторов по обеспечению доступа к ресурсам, их перераспределению и перенаправлению. Авторы выделяют четыре механизма получения такого доступа:

- *производство* (создание ресурсов) — базовый механизм, поскольку любая религиозная организация самостоятельно создает, по крайней мере, человеческие, социально-организационные, культурные и моральные ресурсы;

- *агрегацию* (ассоциацию, концентрацию) — механизм преобразования ресурсов, которыми владеют отдельные лица или группы, в коллективные ресурсы. Например, для финансирования коллективных действий может быть осуществлен сбор пожертвований;

- *кооптацию* или апроприацию (заимствование или присвоение) — прозрачное использование ресурсов других групп, которые не были созданы специально для целей политической мобилизации. Апроприация является более редким случаем, поскольку содержит момент эксплуатации чужих ресурсов;

- *патронаж* — использование ресурсов покровителей — частных лиц или организаций, выступающих в качестве меценатов. Обычно речь идет о фи-

нансовом покровительстве: государственной поддержке, грантах, благотворительном финансировании и т.п.

Для того чтобы указанные ресурсы были доступны, между политическими акторами необходимы отношения обмена, способные обеспечить доступ к этому ресурсу. Акторы обычно *культивируют, поддерживают и сохраняют многочисленные обменные отношения*, благодаря которым они получают доступ к конкретному сочетанию ресурсов [7] и которые являются, в конце концов, важнейшим социальным параметром, делающим мобилизацию возможной.

Политические мобилизационные ресурсы религиозных организаций могут быть задействованы двояким образом в зависимости от источника политической активности — внутреннего или внешнего. При наличии внутреннего источника политической активности (в самих религиозных организациях) наиболее важное значение приобретают такие механизмы доступа к ресурсам, как их производство и агрегация. В случае с внешним источником политической активности наибольшее значение имеют кооптация и патронаж. Это может быть проиллюстрировано на примере участия религиозных сообществ в политических событиях.

Изучая роль протестантских общин в политическом движении за права афроамериканцев, Д. Макадам описывает механизм, при котором *религиозные общины сами становятся источником политической мобилизации*, активно используя весь набор собственных ресурсов. Нужно заметить, что большое значение в процессах «черного» движения играли социально-организационные ресурсы и высокий потенциал солидарности внутри членов протестантских общин. Самостоятельная политическая активность протестантских общин была допустима при двух основных условиях: 1) невозможности афроамериканцев реализовать цели своего политического движения непосредственно через институты существующей политической системы; 2) в сложившейся ситуации протестантские общины были единственным организационным каналом участников, посредством которого они могли проявлять свою политическую активность. На это же обстоятельство указывают исследователи политической роли латиноамериканских церквей: если для политического участия перво-степенное значение имеют формы гражданской ассоциации индивидов, то в ситуации, *когда посещение церкви является ключевой или единственной формой гражданского ассоциативного членства, религиозная община превращается в источник политической активности* [8, с. 766]. В этом смысле становится очевидным тот факт, что религиозные общины могут выступать источником политической мобилизации, поскольку их организационные, моральные и иные ресурсы являются единственно доступными ресурсами для акторов — членов общин.

События последних лет в Украине демонстрируют несколько иную ситуацию с участием церквей в политической жизни. Активность религиозных организаций Украины в политических событиях так называемой революции достоинства (фактически — государственного переворота) в период осень 2013 — весна 2014 гг. и боевых действиях в Луганской и Донецкой областях является в настоящее время документированным и уже отчасти изученным фактом. В связи с механизмами политической мобилизации обращают на себя внимание несколько обстоятельств. Сами церкви Украины, по-видимому, не были источником протестного политического движения. Известна первоначальная довольно сдержанная позиция вовлеченных религиозных акторов (православных, католической, греко-католической и протестантских

церквей), предпочитавших оставаться вне происходящего или призывавших участников событий к миру и ненасилию. Периодическое обострение политической ситуации, вылившееся в ряд столкновений, имеющих жертвы, привело религиозных акторов не только к невозможности оставаться вне политических событий, но и к активному участию с отчетливым обозначением своей политической позиции. Это позиционирование стало совершенно бескомпромиссным после недавнего образования в декабре 2018 г. Православной церкви Украины (ПЦУ), объединившей неканонические УПЦ КП и УАПЦ, и обострившей конфликт, приведший к разрыву отношений с УПЦ МП. Не вдаваясь в детальный анализ произошедшего (что, безусловно, еще предстоит сделать), нужно отметить, что в данных событиях примечательны несколько процессов. Во-первых, это *процессы активного ресурсного обмена между религиозными организациями и гражданскими ассоциациями*, сделавшими возможной «политизацию» внутренних ресурсов религиозных организаций, с одной стороны, и легитимацию движения за евроинтеграцию — с другой. Особенно активно, как представляется, шли *процессы взаимной кооптации ресурсов* акторами. Так, религиозные организации, участвовавшие в поддержке Евромайдана, предоставляли все имеющиеся у них виды ресурсов (например, церковные помещения для пострадавших, капелланское и волонтерское служение, политические акции, демонстрацию солидарности и т. п.). Во-вторых, имело место не только политическое использование ресурсов религиозных организаций, но и фактическое *создание религиозными акторами мобилизационных ресурсов специально-политического назначения*. Беспрецедентным фактом является создание так называемой гражданской религии на Майдане [9]. Гражданская религия не была новой религиозной организацией, а представляла собой фактически самостоятельное политико-экуменическое движение, объединившее представителей самых разнообразных конфессий на почве общественно-идеологических ценностей (ценностей «веры в Бога», «Достоинства», «Украины», «Героев Майдана» и др.). Известно, что православные, католические, греко-католические и протестантские акторы осуществляли совместные молитвы, исполнение гимна Украины, проявляли взаимную поддержку и т. п. [10]. Другим политическим результатом стало получение ПЦУ в начале 2019 г. Томоса о предоставлении автокефалии от Константинопольского патриархата. Очевидно, что этот шаг был не только радикальным внутрицерковным актом, но и мощным политическим и внешнеполитическим вызовом сторонников евроинтеграции Украины в сложившейся общественно-политической и геополитической ситуации в регионе.

Таким образом, политические мобилизационные ресурсы религиозных организаций могут актуализироваться в двух основных направлениях: в направлении использования внутренних ресурсов организации в политических целях иными акторами, а также на пути создания и использования ресурсов, имеющих политическое назначение, самими религиозными организациями в своей общественной деятельности. При этом основными условиями такого применения мобилизационных ресурсов являются субъективная готовность религиозных сообществ к политическому участию, их активное взаимодействие с иными политическими институтами и сообществами, а также кризисная социально-политическая ситуация, в которой они действуют.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор / Г. Алмонд [и др.] ; под ред. М. Ильина, А. Ю. Мельвиля. — М. : Аспект Пресс, 2002. — 537 с.

Sravnitel'naya politologiya segodnya: mirovoy obzor [Comparative political science today: world review] / G. Almond [i dr.]; pod. red. M. Il'ina, A. Yu. Mel'vilya. — M. : Aspekt Press, 2002. — 537 p.

2. *Deutsh, K. W.* Social Mobilization and Political Development / K. W. Deutsh // Comparative Politics. A Reader; ed.: H. Eckstein, D. E. Apter. — Toronto, 1964.

3. *Мельник, В. А.* Современный словарь по политологии / В. А. Мельник. — Минск : Книж. Дом, 2004. — 640 с.

Mel'nik, V. A. Sovremennyy slovar' po politologii [Modern dictionary of political science] / V. A. Mel'nik. — Minsk : Knizh. Dom, 2004. — 640 p.

4. *Бондарь, П. И.* Политология: наука о политике : учеб.-метод. комплекс / П. И. Бондарь, Ю. П. Бондарь. — Минск : Беларус. Энцыкл. імя Пётруся Броўкі, 2008. — 528 с.

Bondar', P. I. Politologiya: nauka o politike : ucheb.-metod. kompleks [Political science: the science of politics] / P. I. Bondar', Yu. P. Bondar'. — Minsk : Belarus. Entsycl. imya Petrusya Brouki, 2008. — 528 p.

5. *Wald, K. D.* Making Sense of Religion in Political Life / K. D. Wald, A. L. Silverman, K. S. Fridy // Annual Review of Political Science. — 2005. — № 8 (1). — P. 121–143.

6. *Edwards, B.* Resource Mobilization Theory [Electronic resource] / B. Edwards, M. D. Kane // The Blackwell Encyclopedia of Sociology. — 2016. — Mode of access: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781405165518.wbeosr060.pub2>. — Date of access: 20.04.2019.

7. *McAdam, D.* Political Process and the Development of Black Insurgency, 1890–1970 / D. McAdam. — Chicago: University of Chicago Press, 1999. — 346 p.

8. *Jones-Correa, M.* Political Participation: Does Religion Matter? / M. Jones-Correa, D. L. Leal // Political Research Quarterly. — 2001. — № 54 (4). — P. 751–770.

9. *Калениченко, Т. А.* Релігійна складова суспільно-політичного конфлікту кінця 2013–2017 рр. в Україні : автореф. дис. ... канд. філософ. наук: 09.00.11 / Т. А. Калениченко ; Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова. — Київ, 2018. — 17 с.

Kalenichenko, T. A. Religiynna skladova suspil'no-politichnogo konfliktu kintsya 2013–2017 rr. v Ukraïni [Religious component of the socio-political conflict of the end of 2013–2017 in Ukraine] : avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk: 09.00.11 / T. A. Kalenichenko ; Nats. ped. un-t im. M. P. Dragomanova. — Kiïv, 2018. — 17 p.

10. *Колодний, А.* Майдан як осереддя Української громадянської релігії / А. Колодний // Українське релігієзнавство. — 2015. — № 74–75. — С. 222–243.

Kolodniy, A. Maydan yak osereddya Ukraïns'koï gromadyans'koï religii [Maidan as the centerpiece of Ukrainian civil religion] / A. Kolodniy // Ukraïns'ke religieznavstvo. — 2015. — N 74–75. — P. 222–243.

ALIAKSANDR SHERYS

***POLITICAL MOBILIZATION RESOURCES
OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS***

Author affiliation. *Aliaksandr SHERYS* (sheris@tspb.com), *Scientific Production Limited Liability Company OKB TSP (Minsk, Belarus).*

Abstract. Based on the ideas of D. McAdam, B. Edwards and M. Kane in the field of political resource mobilization theory, the author substantiates and illustrates the idea that religious organizations can both provide their internal resources for political use and produce resources of the political purpose.

Keywords: political mobilization resources; religious organizations; political mobilization; Protestant communities; civil religion; the Orthodox Church of Ukraine.

UDC 329.3(73)329.3(477)

*Статья поступила
в редакцию 21.05. 2019 г.*

Е. Л. МОРДОСЕВИЧ

КОНСУЛЬТАТИВНО-СОВЕЩАТЕЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ ПРИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Построение государственно-частного диалога зависит от инструментов взаимодействия. Доступные, прозрачные и эффективные инструменты повышают уровень доверия бизнеса к ним. В статье описано развитие совещательных структур и текущее положение дел.

Ключевые слова: государственно-частный диалог; доверие; государственный орган; консультативный орган; инструменты взаимодействия; бизнес-союз.

УДК 321.022

Важной составляющей взаимодействия бизнеса и государства являются вопросы формирования и функционирования инструментария этого процесса.

Во-первых, как показывают результаты международных исследований, уровень развития диалога бизнеса и государства находится в прямой зависимости от эффективности инструментов и механизмов. Это подтверждается рекомендациями The PPD Handbook a toolkit for business environment reformers, разработанными Всемирным банком: инструментарий формирует и определяет степень институционализации диалога между бизнесом и государством [1].

Во-вторых, от доступности, прозрачности и эффективности инструментария диалога зависит спрос на легальные инструменты взаимодействия. Таким образом, эффективность и доступность инструментария определяет способность легальной системы взаимодействия конкурировать с неформализованными и коррупционными практиками коммуникации бизнеса и государства.

В-третьих, инструментарий и механизмы государственно-частного взаимодействия формируют уровень доверия его участников как к самому процессу, так и друг к другу. Согласно рекомендациям Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) именно доверие, основанное на компетен-

Евгений Леонидович МОРДОСЕВИЧ (mardasevich@gmail.com), аспирант кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).